

ЧУМАКОВСКОЕ КРЕСТЬЯНСКОЕ ВОССТАНИЕ 1931 ГОДА (ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ)

Статья посвящена крупному антикоммунистическому крестьянскому восстанию в Западной Сибири. На основе документов ФСБ автор выявил основные силы и идеологические установки мятежников, проанализировал ход и подавление восстания, оценил численность жертв с обеих сторон. Даны многочисленные сведения о репрессиях в отношении крестьянства.

Ключевые слова: восстание, жертвы, репрессии, Сибирь.

В отличие от 1930 г., крестьянские восстания в терроризированной чекистами Западной Сибири в 1931 г. вспыхивали только дважды. Одно из них – вооруженное выступление голодавших ссыльных крестьян в Парбигской комендатуре Чаинского района Нарымского округа – подробно описано в литературе [Красильников, Мамкин, 1994; Уйманов, 1995. С. 39–40; Красильников, 2003. С. 164–166]. Но тремя неделями ранее Парбигского восстания в июле 1931 г. на территории современных Убинского и Северного районов Новосибирской области (тогда на их месте существовал Чумаковский район Западно-Сибирского края) в бассейне Оми, Ичи и Сенчи вспыхнуло крупное крестьянское выступление против «раскулачивания» под лозунгом «Долой коммунистов и колхозы, да здравствует свободная торговля!» Спрятавшиеся от властей в глухой тайге крестьяне, знакомые с советским произволом не понаслышке, увидели в политике «великого перелома» возвращение ненавистного военного коммунизма и дали ему еще один бой. До сего времени даже в новейшей литературе об этом восстании приводится весьма скудная и не вполне точная информация [Уйманов, 1995. С. 40–41].

В течение нескольких дней восставшие стремительно захватили 24 села, поселка и хутора, где разогнали сельсоветы и выбрали старшин. Мятежниками было убито 13 колхозных активистов и милиционеров, поэтому предположение С. А. Папкина о малой агрессивности и бескровности этого выступления, основанное на опубликованных ранее скупых сведениях, неточно, так же, как

и указание на то, что в числе основных причин восстания был голод [Папков, 1997. С. 75; Наша малая родина, 1997. С. 117–119]. Документы следственного дела говорят, что восстание было направлено именно против представителей власти и их сторонников, отрицало советские порядки в целом и коллективизацию в частности, а руководили им люди, нечуждые личной мести.

Вскоре после подавления мятежа председатель Чумаковского РИКа Бухарин сообщил, что в урманной и приурманной полосе района существует 24 самовольных поселка из 746 дворов. Часть из них была основана десятью годами ранее беглыми крестьянами Кольванского района – участниками большого антисоветского восстания, жестоко подавленного в 1920 г., а в 1930–1931 гг. пополнилась «кулаками», бежавшими из нарымской ссылки.

Бухарин откровенно выразил свое мнение об этих свободолюбивых людях: «Указанное население не только не имеет никакого экономического значения, а даже само мешает проведению в жизнь каких-либо мероприятий Соввласти» и там «совершенно отсутствует рост колхозов».

По другим сведениям (вероятно, более точным, ибо некоторые поселки были сожжены карателями), 746 дворов принадлежали к 29 поселкам и хуторам. В самом большом – Павловском – было 127 дворов, в Дупленском их насчитывалось 76, в Лепинском – 34, Аникинском – 20, Поварёнковском – 12, Усть-Сенче – 10.

Чекисты обвиняли повстанцев в том, что они составили тайную организацию из бо-

лее 200 вооруженных лиц, имевших связи с г. Каинском, Каргатским и Колыванским районами, а также поселками «раскулаченных» в Шегарской комендатуре Сиблага ОГПУ. Их конечная цель – свержение советской власти и установление «народных прав». Созданию организации, как утверждалось, способствовали слабая советско-партийная работа и засоренность советского аппарата антисоветским и контрреволюционным элементом (имелось в виду то, что многие работники сельсоветов примкнули к восстанию)¹.

По версии следствия, еще в начале 1930 г. подлежащие высылке «кулаки» поселков Союзного, Большаковского и Аникинского – Г. И. Гамзулев, И. Большаков и М. Ващенко – скрылись в тайге и повели на хуторах и в поселках «контрреволюционную вербовочную работу». К ним сразу примкнули беглые «кулаки» – бывший казачий урядник И. Усков, бывший белогвардеец А. Калинин, а также Н. М. Останин, Ф. Шевелев, М. Гамзулев, Е. Бекешкин и др. Заговорщики якобы под видом колхозных собраний проводили свои тайные совещания, а руководитель «бандячейки» с. Собольниково Москвин организовал колхоз, куда вступили зажиточные и «твердозаданцы». Часть беглых «кулаков» скрывалась в болотистой части урмана на Черемуховском острове.

По всей видимости, местная агентура ОГПУ не смогла дать «органам» своевременной информации, хотя сигналы об опасном положении в районе были. Незадолго до восстания жители с. Крещенка оказали сопротивление «раскулачиванию»: до 200 крестьян напали на милиционеров, конвоировавших двух арестованных «кулаков». Обоих милиционеров арестовали, а «освобожденных кулаков качали на руках и снабдили продовольствием». В своем отчете полпред ОГПУ Л. М. Заковский сокрушенно отметил, что «вокруг этого факта партийная организация достаточной работы не провела». Да и пьянствовавшие районные власти авторитетом у населения не пользовались.

Возглавивший восстание 24-летний Григорий Гамзулев был обижен не только конфискацией имущества. Барабинский бухгалтер П. Д. Мицкевич в 1968 г. показал, что в 1930 г. в пос. Завидное приехал работник Чумаковского РИКа и настоял, чтобы актив

сельсовета лишил избирательных прав и выслал «кулака» Гамзулева. Тот, узнав об этом, взял лошадь и поехал с женой и сыном в указанное место ссылки «за болото», но потом тайком отправил семью к тестю в с. Крещенское. У отца жены в то время на квартире жил заведующий Крещенской конторой учлеспромхоза партиец Шейко, который вскоре заставил Гамзулеву выйти за него замуж, забрав себе и сына Гамзулева, и его лошадь – отличного кровного рысака. Эта история осталась в памяти крещенских старожилов, которые много лет спустя рассказывали, как люди из отряда Гамзулева летом 1931 г. выкрали у Шейко гамзулевского коня². Полпред ОГПУ Западно-Сибирского края Л. М. Заковский указывал, что Шейко «устраивал массовые пьяные оргии», а районными властями «к изжитию ряда безобразий в учлеспромхозе мер не принималось» [Наша малая родина, 1997. С. 118].

Восстание началось в качестве ответа на очередную волну арестов и высылки. Шестого июля 1931 г. небольшой отряд И. Ускова между поселками Аникинским и Поварёновским расправился с активисткой-батрачкой Е. Тропковой, обвиненной в том, что по ее доносу был «раскулачен» Е. Кокорин, затем бежавший и ставший одним из активных повстанцев. Шестеро повстанцев, в том числе Усков, а также Е. и Ф. Кокорины в ночь на 9 июля осуществили налет на пос. Аникинский, забрав с собой семью подлежащего высылке «кулака» Ф. Кокорина. Днем между поселками Желтоухово и Майнак несколько повстанцев организовали засаду на председателя Александровского сельсовета Литвинова и уполномоченного РИКа Веселова, но те заметили опасность и смогли скрыться.

Десятого июля на место происшествия выехал вооруженный отряд: райуполномоченный ОГПУ Н. И. Ульянов, начальник раймилиции Кутько, уполномоченный угрозыска Игнатенко, а также милиционер Щербачков с председателем сельсовета Урочища Черный мыс Гамарниковым и объездчиком леспромхоза Гребенщиковым. Они были направлены для расследования убийства Тропковой и задержания семьи Кокорина. Однако этот отряд угодил в засаду и разбежался, причем сначала Усков убил Гамарникова, а затем были выловлены и уничто-

¹ АУФСБНСО. Д. П-20632. Т. 2. Л. 1492, 1932.

² Там же. Т. 3. Л. 226; Т. 6. Л. 4–4 об., 193–193 об.

жены пытавшиеся скрыться в лесу милиционеры Игнатенко и Щербаков. Начальники районного ОГПУ и милиции, а также объездчик смогли спастись.

В тот же день, 10 июля, восставшими были захвачены сёла Чумаковского района: Крещенское, Шевелевка, Гороховая Грива, пос. Мартемьяновский и другие, разогнаны сельсоветы и колхозы, арестованы свыше 150 чел. В ближайшие дни восстание охватило следующие поселки: Аникинский, Бавевское, Большаковское, Гольский, Дулленский, Завидный, Красинское, Куклинский, Лепинский, Лисьи Норки, Осиновское, Поварёнковский, Потеряевский, Пятистенный, Радовский, Собольниково, Соловьевский, Союзное, Урочище Черный мыс, Усть-Сенча, Ушково, Ческидово, Черный.

Восстание разгорелось в течение нескольких дней, охватив значительную часть взрослого мужского населения мятежных поселков, насчитывавших примерно 3 500 чел. Взрослых мужчин было от 700 до 1 000, из которых порядка 200 ушли к мятежникам. В ряде случаев поддержали повстанцев и местные власти: члены Собольниковского сельсовета К. Макаров и Просторин участвовали в вылавливании советско-партийного актива, а сельсоветы Урочища Черный мыс и Крещенского загодя до восстания снабдили «главарей банды бланками с печатями и удостоверениями».

Центром повстанчества стало с. Крещенское, в связи с чем мятеж в чекистских источниках именовался Крещенским. В ночь на 11 июля в Крещенском на складе леспромпхоза было захвачено 11 пудов пороха, а сторож Я. Софронов увезен и затем убит. Легкие победы воодушевили повстанцев. Настроение им подняли и захваченные на складе несколько ящиков водки. На рассвете 13 июля мятежниками был захвачен пос. Аникинский и убиты два милиционера, а также объездчик. Сотрудники милиции и объездчик В. Колотов (последний хотел бежать, но был ранен самими милиционерами) держали оборону в избушке, крича, что будут стрелять до последнего патрона. После долгой перестрелки мятежники смогли подобраться ближе и добить одного из милиционеров, к тому времени раненного. Второй пытался спрятаться в подполье, но безуспешно. В горячке боя расправились и с незадачливым беглецом Колотовым (по иным данным, был убит объездчик Кос-

тюков, а Колотов – только ранен). Как утверждали чекисты, к отряду примкнули «бандячейки» Аникинского и других поселков, после чего восставшие выступили дальше³.

Лозунги, провозглашенные повстанцами, были обычными для антиправительственных выступлений начала 1930-х гг.: «Долой коммунистов, активистов и коллективы!», «За трудовое крестьянство, за восстановление народных прав, вольной торговли и такого государственного строя, при котором не было бы лишенцев», «Советская власть нужна, но существующее правительство нужно свергнуть». По данным следствия, свои отряды руководители восстания якобы хотели назвать «Черной гвардией» и «Черной армией», а сражаться собирались под черным знаменем с желтым крестом, что вызывало в памяти символику партии анархистов. При выступлении мятежники имели 30 трехлинейных винтовок и до сотни охотничьих ружей, остальные были вооружены пиками и вилами. У них был свой кузнец К. Я. Грейсон, который с десятком помощников занимался ремонтом оружия, отливкой пуль и снаряжением патронов. Следователи подчеркивали, что в связи с уничтожением главарей банд точная численность восставших, а также численность бандячеек не были установлены.

Пятнадцатого июля в пос. Гольский приехали руководители восстания: Гамзулев, Усков, Кокорин и Останин, деятельно занявшиеся пополнением рядов повстанцев. Н. М. Останин выехал в Усть-Сенчу, собрал народ и объявил, что отрядом заняты ближайшие города Каинск и Барабинск, а также райцентр Чумаково; Каргат и Убинское вот-вот будут взяты. Из десяти дворов Усть-Сенчи прибыло шесть добровольцев. На следующий день Останин приехал в пос. Собольниково, созвал собрание и заявил, что власть грабит крестьян и все делает под наганом, так что он, батрак, тоже выступил против коммунистов. После его выступления в поселке был образован отряд, разбившийся на две части: 10 чел. ушли к повстанцам, а 30 – образовали засаду на случай прихода коммунистического отряда. Согласно чекистской версии, тогда же мятежники через курьеров пытались связаться с

³ АУФСБНСО. Д. П-20632. Т. 4. Л. 1482; Т. 6. Л. 189; Т. 3. Л. 144, 641.

Шегарскими спецпоселками и поднять тамошних ссыльных.

Шестнадцатого июля, в 8 км от Крещенского, отряд из 50–60 повстанцев столкнулся с партийным отрядом. После боя, в котором партийцы потеряли троих убитыми, они отступили, а повстанцы вошли в Крещенское. На берегу Ичи в засаду попали четыре отставших от своих отрядчика: учитель Чумаковской школы Ржевский, а также Березин, Сорокин и Чечин. Их привели в Крещенское и расстреляли двоих, а Ржевского тяжело ранили. После ухода партотряда из Крещенского сразу публично был убит (расстрелян посреди улицы) сторож леспромхоза Я. Сафронов, а потом и его сын-комсомолец, тоже Яков. Были и другие жертвы: бедняк-колхозник Д. А. Яковлев, крещенский активист, кричавший, что «бандитское семейство нужно ликвидировать», был расстрелян 17 июля вместе с Ржевским. На следующий день в селе И. Александровым был убит секретарь нарсуда Сорокин. Председатель Крещенского сельсовета М. Пешков отделался ранением (в другом документе он числится среди убитых). Также был убит председатель колхоза в д. Ушково⁴.

Семнадцатого июля свыше сотни повстанцев атаковали с. Новодубровку, где находился партийный отряд; после продолжительной перестрелки крестьяне, не сумев сломить сопротивления коммунистов, отступили в Крещенское. Их отряд постоянно рос, поскольку во все окрестные населенные пункты были направлены агитаторы: так, 18 июля в пос. Осиновском собрание жителей выделило на помощь повстанцам 11 чел. с ружьями. Отметим, что агитация была разной: так, тогда же в пос. Радовском мятежники, угрожая немедленной пулей в лоб, насильно мобилизовали всех мужчин от 18 до 50 лет, и увели их к Урочищу Черный мыс, где 19 июля и произошел решающий бой.

Ожесточение повстанцев было велико. Если батрачку Тропкову, как говорила одна из свидетельниц, убили по ошибке, то дальше расправы со сторонниками властей были целенаправленно-беспощадными. Особенную жестокость проявляли несколько активных организаторов восстания – 41-летний середняк А. Н. Иванов участвовал в убийстве отрядовца Сорокина и расстреле

члена сельсовета М. Пешкова, а 31-летний И. Н. Александров участвовал в расправе над Сорокиным, Сафроновым и Яковлевым.

Повстанец Чуфтайкин говорил: «Жаль, что нет моего сына-красноармейца, а то с ним бы рассчитались». Но и себя мятежники тоже не жалели. Во время боя 17 июля под Новодубровкой раненный Кокорин выполз на чистое место и непрерывно стрелял в коммунистов, «хотя вся фуфайка у него была прострелена». Были отважные бойцы и у красных: один из них, уже полумертвым, открыл из кустов стрельбу по мятежникам с близкого расстояния, а когда те подбежали, испустил дух. Население активно сочувствовало мятежу: так, отставшего от своих партотрядчика в Крещенском убили сами мужики, без всякой помощи повстанцев.

Власти, дождавшись помощи из краевого центра, собрали все окрестные партийные отряды из Чумаково, Каргата, Барабинска и Каинска и 19 июля повели наступление на мятежные поселки. Основной ударной силой наступавших стал конный взвод 9-го полка ОГПУ из 35 всадников под командованием оперуполномоченного Особого отдела СибВО 31-летнего Г. С. Сыроежкина, присланного из Новосибирска⁵.

После первого же боя под Урочищем Черный мыс восставшие, потеряв 45 чел. убитыми, семерых – ранеными и 15 – пленными, рассыпались. Столь небольшое число раненых говорит о том, что их просто добивали на месте. За уцелевшими шла форменная охота: как вспоминал участник партотряда И. М. Коротков, «активный бандит» Ф. Ф. Шевелев «впоследствии был убит нашими товарищами», а знакомый Короткова Я. П. Романюк хвастался ему, что при отступлении «банды» убил под поселком Шевелевка одного из руководителей восстания Е. Бекешкина. Продавца магазина в Урочище Черный мыс П. П. Романюка, по словам Короткова, «партотрядчики расстреляли в поселке Голубовка как пособника банды, в кармане у него было обнаружено 500 руб.».

С 20 июля по 1 августа отрядовцы вылавливали и расправлялись с оставшимися, уничтожив еще 38 чел., а более 200 – арестовав. Помимо того, властям удалось задержать 120 «кулаков», бежавших из ссылки. В течение первых пяти дней после

⁴ АУФСБНСО. Д. П-20632. Т. 4. Л. 1933; Т. 5. Л. 733, 178, 255, 403, 569.

⁵ Там же. Т. 3. Л. 222, 144, 228; Т. 5. Л. 567; Т. 2. Л. 1936; Т. 3. Л. 144.

разгрома восстания было арестовано до 400 чел., но затем свыше 150 были освобождены как «социально близкие». У населения изъяли 15 трехлинейных винтовок, пять револьверов и 241 охотничье ружье. Руководители восстания Усков, Бекешкин, Калинин и Шевелев были убиты, а Гамзулев и Останин скрылись. Партийные отряды и войска в ходе боев потеряли 12 человек убитыми и двух – ранеными. По другим данным, убитых было 13, но, возможно, в это число вошли только уничтоженные сельские активисты, поскольку в следственном деле перечислено не менее 20 погибших сторонников властей.

Мятежников погибло 83 человека, но эта цифра, вероятно, занижена. Но даже по официальным данным погиб примерно каждый десятый из взрослого мужского населения восставших поселков. Всего же после «раскулачивания», убийств и арестов в северной части Чумаковского района исчезло до трети работников.

В шеститомном деле на участников восстания почти нет подробностей подавления мятежа. Но оно оказалось настолько беспощадным, что представители власти сочли необходимым сообщить о наблюдавшихся эксцессах в Новосибирск. Двадцать седьмого декабря 1931 г. инструктор крайисполкома Ф. В. Тимофеев написал в орготдел, что отрядовцы Сыроежкина не только мародерствовали, но и производили «самовольные без суда расстрелы, причем одна группа перед таким расстрелом учинила допрос посредством пыток (кололи вилками), после такого «допроса» участники банды (три человека) были расстреляны. Со слов уполномоченного ГПУ по Чумаковскому району Н. Ульянова, двое из них были насильно привлечены в банду. <...> Попытки к расправе на месте были у многих отрядцев».

Районное начальство лично вымещало пережитый страх на безоружных пленниках: секретарь РИКа Стакановский «на глазах публики избивал арестованных наганом», а заведующий райземотделом Непомнящий по приказу Сыроежкина сжег поселок в 10 дворов, причем, как отмечалось, без ведома райкома партии. При подавлении восстания также были сожжены два хутора⁶. Эти ме-

тоды четко копировали те, что практиковались в Гражданскую войну, когда чекист Сыроежкин усмирал тамбовских повстанцев.

Задачей следствия было не только жестокое наказание мятежников, но и присоединение к ним возможно большего числа участников. В декабре 1931 г. допрошенный при проверке дела М. А. Аникин показал, что в каинской тюрьме следователь принуждал его сознаться в бандитизме и «бил меня камчой (плетью. – А. Т.) по правому боку». В итоге власти осудили 225 повстанцев. Сначала тройка полпредства ОГПУ по Запсибкраю в октябре 1931 г. постановила расстрелять 30 активистов – Ф. Т. Чупилко, И. И. Аверченко и др. Коллегия союзного ОГПУ 19 февраля 1932 г. осудила 190 чел., из которых трое – И. Александров, А. Иванов и С. Шевелев – были расстреляны. 40 чел. получили по 10 лет, 105 – по пять лет, 1 – шесть лет, 20 – по три года лагерей, остальным дали ссылку или зачли срок предварительного заключения. В местах заключения до 1953 г. умерло 15 заключенных-чумаковцев.

Почти пять лет шел розыск скрывшихся организаторов восстания. В феврале 1936 г. сибирские чекисты смогли задержать живших по поддельным документам Г. И. Гамзулева, его старшего брата Максима и П. Д. Петрова. Краевой суд приговорил Г. Гамзулева к расстрелу, а остальных – к 7 годам лагерей. Спецколлегия Верховного суда РСФСР снизила срок заключения Петрову до трех лет, приговор остальным был оставлен в силе. За розыск и поимку главаря Крещенского восстания чекист из Мошковского района Западно-Сибирского края Л. А. Маслов был награжден премией в размере 500 р. и переведен в Новосибирск.

Вскоре уцелевшие мятежники пополнили ряды «врагов народа». В сентябре 1937 г. тройка УНКВД ЗСК по материалам Каргатского РО НКВД осудила к расстрелу по сфабрикованному делу РОВСа 37 местных жителей, почти половина которых участвовала в Чумаковском восстании. Всего же в 1937–1938 гг. было расстреляно 25 бывших участников восстания. Новосибирский облсуд 23 мая 1969 г. признал обвинения в бандитизме относительно 146 обвиняемых обоснованными. Одновременно он постановил прекратить дела на 44 чел., осужденных по «бандитской» статье 59-3 УК⁷.

⁶ АУФСБНСО. Д. П-20632. Т. 6. Л. 255; Т. 5. Л. 1981, 1995; Т. 3. Л. 231 об., 563; Т. 6. Л. 182 об., 4 – 4 об.; ГАНО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 1851. Л. 113–114.

⁷ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 18. Д. 7784. Л. 5 об.; АУФСБНСО. Д. П-20632. Т. 6. Л. 5, 49; Д. П-8534. Т. 6. Л. 479–522.

Список литературы

Красильников С. А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2003. 288 с.

Красильников С. А., Мамкин О. М. Восстание в Парбигской комендатуре. Лето 1931 г. // Исторический архив. 1994. № 3.

Наша малая родина. Хрестоматия по истории Новосибирской области. 1921–1991. Новосибирск, 1997. 768 с.

Папков С. А. Сталинский террор в Сибири 1928–1941. Новосибирск, 1997. 273 с.

Уйманов В. Н. Репрессии. Как это было... (Западная Сибирь в конце 20-х – начале 50-х годов). Томск, 1995. 336 с.

Материал поступил в редколлегию 25.08.2008

A. G. Tepliakov

PEASANT UPRISING OF 1931 IN CHUMAKOVSKIJ DISTRICT

The article is devoted to the big anticommunist peasant uprising in Western Siberia. Using the FSB documents the author has revealed the main force and ideological aims of the rebels, analyzed process and suppression of the uprising, estimated the number of victims from both side. A lot of information about repressions against peasants has been provided in the article.

Keywords: uprising, victims, repressions, Siberia.